

Художник и время

Как уже сообщала наша газета, на днях Правительство России издало постановление, подписанное В.Черномырдиным, "Об утверждении устава Государственного академического Мариинского театра". Речь идет о новом статусе знаменитой Мариинки и, в частности, о том, что художественный руководитель — директор театра будет отныне назначаться Правительством РФ по представлению Министерства культуры. Ни для кого не секрет, что по сути единственным кандидатом на этот пост является главный дирижер Мариинки Валерий Гергиев. Его имя уже семь лет олицетворяет ренессанс театра. Сегодня оно известно во всем мире, на Западе его считают символом возрождения, величия и славы русского оперного искусства. Думается, в свете предстоящего назначения нашему читателю особенно интересно встретиться с прославленным дирижером. Застать его наш корреспондент смог во Франции, где с огромным успехом проходят очередные гастролы театра. Париж, Лион, Монпелье — таков их маршрут, а репертуар — "Князь Игорь" Бородина и "Игрок" Прокофьева, "Пиковая дама" Чайковского и "Ромео и Джульетта" Берлиоза.

Итак, парижская встреча с Валерием ГЕРГИЕВЫМ.

Несмотря на трудное время в истории России, оперная труппа Мариинского театра сегодня — одна из лучших в мире. Как объяснить этот феномен? Богатые традиции плюс талант молодого и энергичного Гергиева?

— Я думаю, тут все важно. Важно сохранить и развивать традиции, важно собрать ансамбль солистов. Именно этим я занимаюсь уже восьмой год. Собрать ансамбль нелегко, но еще труднее его сохранить. В наших условиях это почти невозможно. И все же... Важно знать, что ты хочешь. Мы собрали определенное число хороших певцов. В этом плане были удачи. На Западе артистам предлагают контракты с огромными возможностями. Это большое искушение. Тем не менее путь только один — ведь если Мариинский театр предлагает нечто не менее привлекательное, чем западные театры, то артист, имея в своей душе хоть малейшее чувство Родины, обязательно найдет возможность выразить себя именно в России, даже в такое сложное время.

Что касается меня лично, то, думаю, речь не идет о таланте или энергии, а о концентрации всего, чем я располагаю в работе Мариинского театра.

Есть хорошие дирижеры. Их не очень много, но они есть в каждой стране, по крайней мере в каждой традиционно сильной музыкальной державе — Италии, Англии, Америке, Германии. Вопрос — где и чем они занимаются? В России есть очень серьезная дирижерская школа и большие традиции. Вот я и поставил перед собой задачу заниматься Мариинским театром. Что касается репутации одного из лучших в мире театров, то она возникла из "многогласного" коллективного мнения, в основном западных критиков и журналистов. Но самое главное — тот факт, что на наши спектакли невозможно купить билеты. Вчера и позавчера моя родная сестра не могла попасть в зал. Приходят сотрудники нашего посольства, и мы хотим те десять билетов, которые остаются в нашем распоряжении, предоставить соотечественникам, дать им возможность побывать на спектаклях. То же самое было год тому назад. Помните, мы под конец гастролей исполняли "Реквием" Верди? Мы тогда еле-еле смогли "выбить" два билета для нашего посла. Я просто уговорил директора Театра Елисейских полей кого-то "выселить" из какой-то ложи, чтобы посадить посла.

Популярность Мариинского театра в Париже — это выражение искренней симпатии, которую французы к нам испытывают. И самое главное, наши выступления проходят, так сказать, по восходящей. Предыдущие гастролы начинались на скептической ноте. Я помню, когда мы дали "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии", кое-кому из французских зрителей опера показалась скучной. Вообще славянская идея, которая выражена в "Китеже", не всем близка, иных она даже раздражает. А мне, например, кажется, что это великая опера. Взявшись сие доказать любителям музыки, которые оперу не знали, Мариинский театр последовательно показал ее в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Гамбурге, Амстердаме. И сегодня уже есть такое понятие — "великая опера" "Сказание о невидимом граде Китеже..." Вселенная Римского-Корсакова, а "Китеж" — это венец творчества композитора — сейчас более понятна. Опера не является более каким-то мифом, русской сказкой, в основном интересной для детей. Ведь примерно такой была репутация у сочинения Римского-Корсакова. Наша историческая миссия — сделать лучшие оперы русских композиторов, такие, как "Игрок", "Огненный ангел", достоянием широкой мировой общечеловечности и, конечно, прежде всего нашей, российской.

— Гастрольный репертуар Мариинского театра весьма богат. Только во Франции за последние пятнадцать месяцев были показаны "Китеж", "Пиковая дама", "Хованщина", "Садко", "Борис Годунов", "Князь Игорь", "Игрок", прозвучали "Сила судьбы" в концертном исполнении и "Реквием" Дж.Верди. Такое огромное количество произведений на зарубежных афишах театра дает ему, вероятно, не только существенную финансовую подпитку, но еще и творческий стимул?

— Да, но и налагает ответственность. Недаром такие театры, как "Ла Скала" или Венская опера, в свое время очень много гастролировали. Эти труппы в Москву приезжали по несколько раз. Надо подчеркнуть, что мы у себя в Петербурге делаем гораздо больше, чем на гастролях. По артистическому объему, по насыщенности программы только один наш фестиваль "Белые ночи" покрывает репертуар примерно десяти выездов. Скажем, если сейчас в Париже мы показывали шесть раз "Князя Игоря", то в Мариинском театре эту оперу мы даем в течение сезона восемь раз, из них один-два раза во время фестиваля "Белые ночи". Если мы намерены включить в свой репертуар "Кармен", то прежде всего она будет показана на фестивале "Белые ночи". Симфонические программы, которые мы пока еще здесь не играли, в Мариинском театре идут достаточно часто. Во время нашего фестиваля мы даем только симфонических программ пять или шесть. Для нас это, без

преувеличения, работа адская, но интересная. Мы закладываем основу для того, чтобы затем либо записывать диски, либо осуществлять гастролы. Но вначале все нужно показать у себя дома. Когда же наша публика и мы сами чувствуем, что есть ощущение праздника и удачи, вот тогда мы уже предлагаем какие-либо ответственные гастролы с теми или иными произведениями.

Так что я бы называл наши гастролы не столько "обильными", сколько "концентрированными". В Париже в течение десяти дней мы дали десять спектаклей. Это огромная работа для оркестра и хора, для меня и ведущих солистов. Она требует напряжения сил и полной отдачи. А впечатление такое, будто мы очень много гастролируем. Допустим, в Лондоне мы даем за год только один концерт. Но этот концерт должен быть очень хорошим, чтобы о нем много говорили. Когда же о нас пишут сначала в газетах, потом в еженедельниках, затем в ежемесячных изданиях, эхо от этого концерта идет два-три месяца, и создается впечатление, будто Мариинский театр чуть ли не живет в Лондоне или в Нью-Йорке.

В Париже в прошлом году, вы помните, пресса просто безумствовала. Сейчас спокойнее. Подождем, что будут писать еженедельники, профессиональные издания "Опера", "Мир музыки", "Диапазон" и другие. Но ясно одно — первый показ "Игрока" во Франции стал событием первостепенной важности. Это относится и к "Князю Игорю", который предстал в новой версии, совершенно отличной от той, что существовала. В Парижской Национальной опере "Князь Игорь" раньше вообще не исполнялся. Уж слишком крупные нужны силы, чтобы показать эту оперу, — кроме оркестра, хора и солистов, необходимо иметь и балетную труппу.

Гастролы — это важная часть деятельности театра. Получить подпитку в России малореально. Сейчас Мариинский театр

Рецепт процветания: поднять планку, держать удар

Интервью с главным дирижером Мариинского театра Валерием Гергиевым

(так же, впрочем, как и оркестр Петербургской филармонии, оркестры Е.Светланова или М.Плетнева) в основном "держится" за счет западных средств. Они идут на нужды театра. Не было гастролей, в которых мы бы не старались отложить серьезную сумму для наших нужд. И те сотрудники театра, которые сегодня не в Париже, они все равно получают не только зарплату, но и надбавки из тех денег, которые мы здесь заработаем.

— Я хотел бы вам напомнить объем правительственной дотации, которую получает Парижская опера. В прошлом году она составила 535 миллионов франков, или 107 миллионов долларов. Эта цифра очень внушительная. Насколько она сопоставима с государственной дотацией, которая приходится на долю Мариинского театра?

— На все расходы страна нам дает около трех миллионов долларов. Наши нужды, конечно, значительно выше, и мы их покрываем за счет ввоза западных средств. Но абсурдно, когда за покупку музыкальных инструментов нас заставляют платить огромную пошлину — 40–50 процентов. Это идиотизм! Другого слова нет. Мы покупаем фаготы или контрабасы не для того, чтобы ими торговать! Еще вчера я ругался, что за покупку трех фаготов внесли пошлину 45 миллионов рублей. За это мне хочется кого-нибудь побить. Ведь проблема пошлин — это сплошной обман. Через Эстонию и Белоруссию ввозят и вывозят все что угодно, и все это знают. Зато облагают полноценной пошлиной покупку фаготов Мариинским театром...

— "Шатле" — один из пяти главных музыкальных театров Парижа. На его исторической сцене в 1908 году Сергей Дягилев впервые представил и прославил русскую оперу. В спектакле "Борис Годунов" ведущую партию пел великий Федор Шаляпин. На днях в этом театре состоялась премьера оперы "Дон Карлос". Ее постановка является совместным производством сразу пяти крупнейших оперных театров Франции, Англии и Бельгии. Насколько интересно для вас участие в таких масштабных международных проектах? Планируете ли вы совместную работу Мариинского театра с Парижской оперой, с "Ковент-Гарден", "Метрополитен-опера", другими большими театрами мира?

— По той же схеме нами уже созданы семь-восемь спектаклей. Это, в частности, "Огненный ангел", "Война и мир", "Руслан и Людмила", "Борис Годунов" (постановка А.Тарковского). "Игрок", только что представленный в Париже, не является совместной постановкой Мариинского театра и "Ла Скала", но этот спектакль был

представлен в Милане, после того как "Ла Скала" показала в Санкт-Петербурге свою знаменитую "Аиду", которую, кстати, транслировали по телевидению. Мы, как правило, находимся в выгодном положении даже по сравнению с нашими партнерами, потому что я всегда стараюсь, чтобы спектакли, которые у нас появляются, транслировались бы на всю Россию. Это стоит огромных денег, но наше телевидение осуществляет трансляцию бесплатно. Денег за это не платят ни театру, ни артистам. Задача у нас только одна — чтобы отечественная многомиллионная аудитория увидела работы Мариинского театра, в том числе и его совместные постановки. Взять хотя бы "Аиду". Подобная красота не появляется на наших телеэкранах каждый год. Уверю вас, сейчас, чтобы создать такой роскошный спектакль с такими дивными костюмами и впечатляющими декорациями, с такой богатой цветовой гаммой и насыщенностью, нужно иметь миллионы долларов, которых, я думаю, нет даже у Парижской оперы.

Если бы театр "Шатле" мог создать "Дон Карлоса" в одиночку, он бы это сделал. Но такая постановка стоит очень дорого. Я был на генеральной репетиции. Состав солистов — это все сплошь мои друзья, поэтому я хотел их повидать. Роберто Аланья, Жозе Ван Дам, Карита Маттила, Томас Хамрсон — это все вокалисты, с которыми я уже работал. Ван Дам приезжал к нам в Мариинский театр и пел Малера. Безусловно, интересные идеи будут исходить как от нас, так и от наших партнеров. Пока Мариинский театр силен, у всех будет желание с ним сотрудничать. Как только он "подмочит" свою репутацию, это желание исчезнет. Очень многое зависит непосредственно и от моей репутации.

— В одном из недавних интервью Владимир Васильев сказал, что сейчас театрам России в одиночку выжить очень трудно. Большому театру нужно обязательно скооперироваться прежде всего с Мариинским театром. Необходимо найти тесные контакты с Гергиевым и вместе делать ряд постановок. Это будет хорошо и для Москвы, и для Петербурга.

— Это, вообще-то говоря, моя инициатива. Я предлагал это Васильеву, говорил по этому поводу и с членами правительства. Васильев положительно отзывался о нашем сотрудничестве, у нас было несколько встреч. Он приезжал в Петербург, а я — к нему в Москву.

Еще в 1994 году я предложил реализовать программу "Русская опера". По этому поводу был у Виктора Степановича Черномырдина, и у нас состоялся серьезный разговор. А когда Борис Николаевич Ельцин вручал мне Государственную премию,

я сказал Президенту: "Давайте всерьез обращать внимание на Мариинский и Большой театры. Я считаю, что этим театрам надо оказывать хотя бы небольшое внимание, тогда с нас можно спрашивать..."

Кстати, содействие нам оказывают, театры помогают. Мы пока кормим себя сами. Я думаю, страна должна это ценить. Умный политик поймет, что лучше иметь Мариинский театр, который ввозит в Россию деньги фирмы "Филипс" и других зарубежных партнеров, чем регистрировать ежемесячный вывоз миллиардов долларов по тем или иным каналам.

Но самое безрассудное, когда на Мариинский театр устраивают довольно серьезную атаку. Я даже не знаю, закончилась ли она. Это полный абсурд — выставить театр на посмешище всему миру. Все прекрасно знают, что в швейцарских или иных банках сейчас оседают десятки миллиардов долларов. Но в это время вдруг занялись скандалом в Мариинском театре. На радость многим его раздули на весь мир. Эту сенсационную новость подхватили и перепечатали зарубежные издания, не задумываясь, насколько она достоверна и какими методами все это делалось. А методы — невиданные! Некто с Запада якобы добровольно пришел и решил провести операцию по разгрому Мариинского театра. С огромным удовольствием, тщательностью, а главное, скоростью все это было растиражировано телевидением и газетами России. В стране оставалось два-три символа — Эрмитаж, Мариинский театр... Большой театр в последнее время страдал от скандалов очень сильно. Значит, надо топтать последнее. Может быть, это делается, чтобы показать, насколько плох наш город и его мэр, плох сам театр. Это же абсурд! Вы видели, какие овации нам устроили парижане. Так цените такой коллектив! Это прекрасный театр, его не надо спасать. Просто ему надо немного помочь.

Что касается сотрудничества Мариинского театра и Большого, то, конечно же, оно очень важно, оно необходимо. Я всегда говорю именно об этих двух театрах как о маяках русского музыкального искусства. Надо только, чтобы у Васильева и у меня хватило ума и культуры не маневрировать, не толкаться локтями — кто больше миллионов оторвет у правительства, а делать вместе одно большое дело. Повторяю, если нам хватит мудрости, наши театры будут процветать.

Беседу вел
Виктор ИГНАТОВ

ПАРИЖ

Фото В. ПЛОТНИКОВА